

Научная статья

УДК 94 (470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-7-15

РАСПОЗНАВАЯ АНТАГОНИСТА: ЭТЮД К БИОГРАФИИ БЕСЛАНОКО АСЛАНГИРЕЯ (1833–1834)

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2024

Аннотация. Статья представляет собой логическое и хронологическое продолжение предыдущих размышлений о жизненном пути одного из видных хаджретских лидеров князя Бесланoko Аслангирея. Она обращена на выявление исторического контекста и обстоятельств возвращения черкесского князя на военную стезю после полугодового пребывания в режиме относительного нейтралитета в отношении российской стороны. Текст фокусируется на двух значимых военных коллизиях: нападении командующего одного из участков Линии полковника Засса на ашхарауское село Кизилбека и черкесском рейде в район Баталпашинской станицы весной 1834 г. Именно в контексте этих событий имя Бесланoko Аслангирея возвращается на страницы ведомственной документации российской армии. Выявляя специфичность источников об этих событиях и простирая индивидуальную линию героя через их канву, в работе отслеживается динамика распознавания в фигуре хаджретского предводителя антагониста российского командования.

Ключевые слова: Бесланoko Аслангирей, Засс, Кубанская линия, хаджреты, рейд, военные действия, Баталпашинский участок, Кубань, Черкесия

Для цитирования: Алоев Т.Х. Распознавая антагониста: этюд к биографии Бесланoko Аслангирея (1833–1834) // Вестник КБИГИ. 2024. № 2 (61). С. 7–15. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-7-15

Original article

RECOGNIZING THE ANTAGONIST: A STUDY OF THE BIOGRAPHY OF BESLANOKO ASLANGIREI (1833–1834)

Timur Kh. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2022

Abstract. The article is a logical and chronological continuation of previous reflections on the life path of one of the prominent Hajreth leaders, Prince Beslanoko Aslangirei. It is aimed at identifying the historical context and circumstances of the Circassian prince's

return to the military path after a year and a half in the regime of relative neutrality towards the Russian side. The text focuses on two significant military conflicts: the attack of the commander of one of the sections of the Line, Colonel Zass, on the Ashkharau village of Kizilbek and the Circassian raid in the area of Batalpashinskaya stanitsa in the spring of 1834. It is in the context of these events that the name of Beslanoko Aslangirei returns to the pages of departmental documentation of the Russian army.

Keywords: Beslanoko Aslangirei, Zass, Kuban line, khajrets, raid, military operations, Batalpashinsk section, Kuban, Circassia

For citation: Alov T.Kh. Recognizing the antagonist: a study of the biography of Beslanoko Aslangirei (1833–1834). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 2 (61): 7–15. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-2-61-7-15

После фиаско последней решительной попытки вовлечения населения *Туауцлэ* в массовое переселение на кубанское левобережье в середине 1832 г. [Алов 2023: 36–37] Бесланок Асланбек обозначил склонность к «замирению» с российским командованием. Источники, которыми мы располагаем не дают возможности однозначного суждения о том, во что вылилась эта явственно проявленная интенция князя. Представляется, что если о подобном намерении черкесского политика российское командование и было извещено и, возможно, это привело к достижению каких-то предварительных договоренностей, все же, имеются основания полагать, что до стадии их формализации дело так и не дошло. Здесь показателен кейс по замирению Касей Исмаила, этапы которого подробно фиксировались российской стороной («покорился добровольно в командование Вельяминова в 1832 г. и присягал в 1833 г.») [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 38. Л. 26]. Если этот князь еще до летнего прорыва в центральную Кабарду вступил в переговоры с российской стороной и при этом в течение всего 1832 г. не формализовал свой новый статус сложно представить, что обозначивший аналогичный курс значительно позднее, и явно под давлением неблагоприятных политических обстоятельств, Бесланок Асланбек опередил его в продвижении к детанту. В пользу этого говорит и то, что в отличие от Касей Исмаила и ряда других князей в российской ведомственной документации похоже отсутствуют свидетельства вовлеченности Бесланок в подобную активность. Это позволяет предположить, что командование не считало целесообразным форсировать переговорный процесс, навязывая определенные обязательства Бесланок Асланбеку. Видимо было признано приемлемым (и достаточным на том этапе) декларации миролюбия со стороны фигуры, несколькими месяцами ранее продемонстрировавшей влияние в масштабе всего восточного сектора закубанской Черкесии. В любом случае, вероятнее всего, не позднее первых месяцев 1833 г. патриарха черкесской политики уже не было в живых. Логично предположить, что его наследники – Пшемахо и Аслангирей, по крайней мере, на первых порах не пренебрегали устоявшимся в последние месяцы жизни отца *modus vivendi* с имперским командованием. Источники кажется отражают неопределенное положение в котором пребывал клан, когда одного из его представителей весной 1833 г. отнесли к «непреданным» России лицам [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 164. Лл. 1–2.]

При этом, сойдя со второй половины 1832 г. со страниц рапортов о военных столкновениях в регионе, на протяжении всего следующего года активности братьев на военном поприще не было отмечено. Возможно, они, после смерти отца, намеренно взяли паузу по сугубо политическим соображениям, или же она объяснялась нежеланием обострения отношений с российским военным начальством в период организации ритуса упокоения старейшего князя хаджретской Кабарды. В этом плане обращает на себя внимание отсутствие братьев Бесланок среди трех кабардинских конных отрядов, пересекших Кубань в марте 1833 г. предводители которых, до и после этого, неоднократно фигурировали в российских источниках в качестве их боевых соратников [РГВИА.

Ф. 13454. Оп. 2. Д. 166. Л. 13.]. Однако вышеприведенная оценка Бесланко как «непреданных» показывает, что российская сторона не признавала надежным показателем лояльности одно лишь воздержание от открытого участия в военных действиях.

Положение братьев Бесланко, по-видимому, оставалось более-менее неизменным и к сентябрю 1833 г., когда интенсивность противостояния на Кубанской линии начала нарастать. Причиной тому, согласно мнению российских командиров становится то, что «Бесленевцы, соединясь с Абадзехами и беглыми Кабардинцами, в нынешнюю осень несколько раз покушались сделать вторжение в наши границы...» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 737]. При этом главными раздражителями российского командования на протяжении осени-зимы 1833/34 гг. предстают хануко Кыз-Гирей и бесленевский князь Канок Айтек (чье село, к слову, 7 ноября 1833 г. подверглось разорению русскими войсками) [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 737]. Из источников явствует, что преследование отходящего российского отряда двухтысячной черкесской конницей (состоявшей из Абадзехов, Бесленевцев и «беглых Кабардинцев») осуществлялось «под предводительством кн. [Канок Айтека] и султана Кыз-Гирея» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 737]. В последующие недели и месяцы их имена не сходят со страниц переписки российских командиров, оперирующих в регионе (при этом кабардинцев среди контрагентов нового командующего Баталпашинским участком не отмечено). Представляется что итоги подобного взаимодействия вполне удовлетворяли командующего Баталпашинским участком. В самом начале января 1834 г. Засс сообщает своему confidentу о том, что дом его наполнен абадзехами и бесленевцами, и преисполненный энтузиазма дополняет, что «сам султан Кыз-Гирей находится у меня», интонационно подчеркивая позитивные ожидания от таких контактов [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 739].

Несколько позже, 25 февраля 1834 г., он, опять-таки, не без оптимизма доводит до Розена информацию о том, что «Приведя Бесленевскаго народа 9 покорившихся аулов к присяге... 16 февраля двинулся за Кубань для наказания Мохошевскаго народа... прибыл 19-го числа к аулу сему...» Далее, им указывается на побочный результат предприятия, а именно на то, что «Из встречавшихся с арбами, ехавших по дороге за сеном, взял... 3-х Кабардинцев в плен, да кроме оных 13 чел., не хотевших добровольно сдаться, приказал побить...» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 741]. Спустя месяц, 26 марта, кабардинцы опять понесли урон. На подходе к Кизилбековскому аулу отряд Засса (980 человек пехоты и 500 конницы при 5 орудиях) наткнулся на «косяк лошадей до 80-ти штук, принадлежащий кабардинскому султану Шомову, который козаки тотчас взяли; также находившихся при сем табунщиков хотели взять в плен, но как оне не здавались, и начали производить стрельбу, то и побиты все оные козаками» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 225. Л. 1]. Это обстоятельство позволило оповестить жителей до подхода противника к селу, что позволило избежать внезапности нападения. Даже на фоне разделяемого и непривилегированными слоями населения общего милитарного этоса и подчеркнутой ответственности за сохранность порученного поголовья, непреклонность табунщиков перед подавляющей мощью встретившегося им российского отряда кажется чрезмерной. Представляется, что их неразумывающей самоотверженности имеется и другое объяснение. Вероятно, в Кизилбековском ауле находилось значительное число их сородичей. О заметном кабардинском присутствии в ашхарауском селе свидетельствует, к примеру то обстоятельство, что во время этого вторжения в расположении русского отряда оказались две кабардинские семьи из десяти человек [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 225. Лл. 1–3].

При отходе российского отряда завязался бой. В рапорте Засса Вельяминову отмечено, что «горцы стояли сильно», а сам он «ранен пулею в правую руку

выше кисти с повреждением кости». Разворачивая сюжет в присущей ему эгоцентричной манере преувеличения значимости своих действий Засс далее сообщает: «Горцы видя, что я между ими остановился твердым лагерем полагали, что я на верою обращаюсь вторично для разбития какого-нибудь ещё другаго аула и имея великую потерю до 75 человек; явились ко мне из многих мест, просить пощады» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 743]. Такой пафос тем менее уместен, что открытый и находившийся под постоянным наблюдением российский отряд уже не мог представлять той опасности, которая от него исходила до его обнаружения. Поэтому и донесение о том, что «Шалоховский народ доставил... аманатов и согласился на все требования возлагаемое на них от нашего правительства» корректно воспринимать по принципу *post hoc non est propter hoc* и, по сути, представляется «довыполнением» ранее взятых ими на себя обязательств. К тому же вскоре обнаружилось, что степень послушания бесленеевцев, частью которых были «шалоховцы», была далекой от желаемой российской стороной («все бесленеевцы повинуются по обстоятельствам») [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 38. Л. 21]. В свете этого и бодрую интонацию концовки текста стоит воспринимать с поправкой на авторскую стилистику.

Особый скепсис в ней вызывает подача события, относящегося к герою настоящего текста. «В числе явившихся ко мне непокорных народов, – говорится в ней, – были беглые; кабардинский князь прапорщик [Хатокшоко Магомет], [Клыч Джамбулат] и [Беслаано Аслангирей], которым я приказал явиться ко мне в Невинный мыс, для представления их Вашему превосходительству...» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 225. Л. 3]. Если отвлечься от эмоционального фона пассажа обращают на себя внимание два содержательных элемента сообщения. Во-первых, его визитеры аттестованы в качестве представителей «непокорных народов». С высокой долей вероятности это означает, что они были участниками боестолкновений в районе Кизилбековского аула. Небрежность в перечислении персонажей, с которыми он вошел в контакт представляется второй немаловажной деталью донесения. Она позволяет предположить, что совпадение начала службы в регионе с периодом «замирения» Аслангирея (точнее – его отца), привела к недооценке Зассом отпрыска клана Беслааноко. Вероятно, о его спутнике Хатокшоко Магомете, в силу специфической биографии, на Линии были осведомлены несравненно больше. А с Хатокшоко Джамбулатом и прославившимся в 20-х гг. Касей Исмаилом, к примеру, Засс к этому времени наладил приемлемое для него взаимодействие. К тому же судя по источникам, Зассу был более знаком, ставший старшим клана, Беслааноко Пшемахо [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 195. Л. 6]. Оказавшись в тени персон с более выраженной репутацией Аслангирей явно не впечатлил начальника Баталпашинского участка. По-видимому, сыграло свою роль и скромно-этикетное поведение присущее князю [Торнау 1999: С. 275]. Как итог: военачальник пренебрег соблюдением декорума, упомянув Аслангирея лишь вслед за находившимся в феодальной иерархии на заведомо более низкой позиции басхагским аристократом. Здесь же важно то, что соображения эти не имели бы значения если бы Аслангирей вернулся на военную стезю раньше этого события. Возможно скромное поведение князя показалось полковнику признаком сговорчивости и уступчивости, что по окончании встречи он самонадеянно докладывал о том, что «приказал» черкесским князьям явиться к «начальству» на Линию.

Из содержания доступных источников доподлинно не известно последовал ли Аслангирей «приказанию» явиться к командующему на Линию. Очевидно только, что предложения с российской стороны не показались ему привлекательными. Это обстоятельство обнаружилось довольно скоро. Уже месяц спустя линейные командиры через лазутчиков получили сведения о том, «что хищническая партия под предводительством кабардинских князей [Хатокшоко Магомета], [Беслааноко Аслангирея] и 2-х Карамурзиных, человек более 100, в числе коих были и убыхи,

отправилась к границам нашим на злодеяние имея направление к вершинам Кубани» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 743].

Получив первоначальные сведения «поутру» 17 мая, ни «пристав Закубанских народов» Венеровский, ни начальник Баталпашинского участка Засс, некоторое время не могли определить направления действий черкесов. Как признавал последний, «хищники сии собрались весьма тайно и посланный от Безрукова (абадзехский старшина Безруко Мисирбей, снабжавший русских сведениями. – Т.А.) никак по отдаленности места не успел при всех стараниях заблаговременно доставить сведение». Но «через час» (видимо, после получения сведения от Венеровского) до Засса «чрез нарочного» было доведено, что «партия сия напала на вновь поселенный против Баталпашинской станицы абазинского владельца [Дударуко Асланбека] аул, взяла в плен жителей и отбила всех пасущихся лошадей, скот и баранов» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744]. Со слов начальника Баталпашинского участка «по такому известию» он «приказал резервам станицы Невинно-Мысской и Войска Донского №53 полка следовать в подкрепление и, имея уже сведение, что подполк. Колпакова полка есаул Студеникин, собрав резерв станицы Баталпашинской, состоящий из 35-ти чел., и команду до 170-ти чел. козаков подполк. Колпакова, отправился в преследование...» [АКАК. Т. VIII. С. 744].

По оценке Студеникина черкесский отряд достигал численности до 150 человек. Пока одна его часть оперировала в Дударукае, другая предприняла попытку форсирования Кубани с целью отбития казачьего табуна Баталпашинской станицы. Однако обстрел орудиями, поставленными на противоположном берегу сорвал этот замысел. В этих обстоятельствах, черкесы, следуя наиболее оптимальным лекалам рейдовой акции, вместе с сорока жителями басхагского села начали отход.

В описании Зассом последующих действий российской стороны наблюдается определенная нестройность повествования. Прежде всего, обращает на себя внимание фигура отсутствия. Таковой предстает сам командующий Баталпашинским участком полковник Засс. Сложно не заметить, что обозначив свою изначальную осведомленность о назревавшем обострении (что подразумевает его присутствие в районе действия черкесского отряда) и включенность в ситуацию разворачивавшейся коллизии он, как ему было свойственно и до, и после этого события, не позиционирует себя центральным актором описываемого сюжета. Сведение им своей роли к технической функции передачи нескольких распоряжений, по меньшей мере, идет вразрез с общей манерой его самопрезентации в соответствующих документах. Более-менее правомерным объяснением подобного положения могла, к примеру, послужить его болезнь. Однако, как ни странно, им не оговаривается его нарочитая пассивность в ситуации требовавшей противоположного поведения.

Как бы то ни было актантом его повествования выступает есаул Студеникин. Засс в своем рапорте Вельяминову пишет, что последний, «собрав слишком до 200 чел. козаков, никак не мог сделать скорой чрез Кубань переправы, по случаю сильной прибыли воды и, делая переправу в разных местах с большим затруднением вплавь, чрез сие не успел неприятеля настичь на переправе чрез Малый Зеленчук». Памятуя о том, что переправе черкесов через Кубань воспрепятствовал артиллерийский огонь со стороны баталпашинского берега, объяснение невозможности «скорой чрез Кубань переправы», именно «по случаю сильной прибыли воды» видится слабым оправданием казачьих доблестей, а из уст апологета российского оружия, так и вовсе, признанием черкесского превосходства в этом элементе ведения военных действий. Между прочим, отсутствие резервов из Невинномысской и Беломечетской станиц на месте боя в тексте было объяснено ровно этой же причиной [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744].

При ознакомлении с последующим изложением сюжета сложно не заметить череду весьма зримых оплошностей. Чтобы выразительнее показать его огрехи целесообразно выявить опорный и непротиворечивый (в рамках самого же текста) пункт авторского повествования. Неоднократная констатация того, что преследование отходившего противника свелось к двум отдельным боестолкновениям («после первого нападения» следует указание на то, что «нагнавши партию за Зеленчуком... сделал сильное нападение») представляется приемлемым отправным пунктом более нюансированного анализа. В этом плане маркеры, идентифицирующие событие «первого нападения» обозначены отчетливо. Так, касаясь этого эпизода, Засс, не допуская противоречий, артикулирует, что казачий отряд Студеникина «верстах в 20-ти от Кубани, сделал на оную (т.е. отходившую черкесскую «партию». – Т.А.) сильное нападение, отбил до 20-ти пленных, скот и баранов». Однако представленные в тексте итоги «первого» боя в двух местах текста слабо согласуются друг с другом. В первом случае, Засс пишет о приведении черкесов «в совершенный беспорядок», что предсказуемо «заставил неприятеля обратиться в бегство» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744]. Однако в описании исхода этого же боя, вынесенного в заключение доклада, им признается, что 1) хищники «успели воспользоваться 19-ю душами плена» и 2) угнать 50 лошадей, взятых в Дударукае. Собственно, 19 жителей басхагского селения были пересажены на дударуковские лошади в ходе боя, что сложно осуществить в условиях «совершенного беспорядка» вылившегося в бегство. Впрочем, в своей формулировке автор не слишком тверд. Не смущаясь очевидного противоречия, здесь утверждает, что, отправив пленных вперед, «хищники» «сами... решились упорно защищаться» (sic!). Подобная апория, естественным образом усиливает скептический взгляд на всю цепочку объяснений российского офицера. Однако ознакомление с положениями его доклада позволяет утверждать, что и без подобного смелого признания повествовательная конструкция, постулирующая разгром черкесского отряда остается невнятной. Так, одно из авторских положений, согласно которому констатируется факт заблаговременной подготовки черкесскими предводителями прикрытия отходившего отряда в потенциально наиболее уязвимой локации (противник «спешил сблизиться к Большому Зеленчуку, где ожидали его, как полагать должно, оставшиеся от сей же партии несколько товарищей»), где и развернулся второй бой, слабо согласуется с настойчиво педалируемой мыслью о преследовании деморализованного противника. Более того, подобная предусмотрительность с трудом представима иначе как составной элемент замысла рейдовой акции. И в этом контексте приписывание черкесам «бегства», ориентируясь лишь на критерий их движения в противоположном от Баталпашинской направлении, очевидно, выглядит несостоятельно.

В целом, отсутствие консеквентного изложения повествования наводит на подозрение о неуверенности самого автора в транслируемой им же картине события. Хоть доклад и пестрит броской лексикой, направленной на стигматизацию противника (приписывание «беспорядка» его действиям и уличение в «бегстве»), его заключительная часть не допускает разночтений. В ней недвусмысленно сообщается о том, что разгрома черкесов так и не состоялось. При обращении к открытой интерпретации, т.е. анализу повествования с опорой на внешние по отношению к тексту реалии, положения Засса не приобретают большей весомости. Так, в качестве очередного, выбивающегося из актуального исторического контекста, тезиса можно привести следующий пассаж. «В сие время, хотя есаул Студеникин и мог-бы истребить совершенно партию, пользуясь разстройством оной, но от сильного жара, лошади, как у неприятеля, так и у казаков, совершенно стали, почему и не мог сего выполнить, имея перестрелку спешившись» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744]. Т.е., согласно Зассу, окончательному

истреблению отходившей партии воспрепятствовало именно то обстоятельство, что лошади противоборствующих сторон «встали». В связи с этим правомерен вопрос: насколько может быть правдоподобной картина изнеможения черкесских лошадей в представленном контексте если 1) общепризнанно, что они перед выступлением, как правило, проходили серьезную подготовку после которой черкесские кони бесппроблемно преодолевали огромные дистанции без отдыха [Филипсон 2022: 143, 147; Торнау 1999: 214], и, 2) отмечено, что в отличие от казаков обремененные «пленными», «скотом и баранами» черкесы изначально не имели возможности прохождения первых двадцати верст в ускоренном темпе – следовательно, и не могли испытать чрезмерных нагрузок. Представляется, что последних потому и удалось нагнать, невзирая на то, что форсирование реки, как выше отмечено, было не сильной стороной преследователей. Нельзя сбрасывать со счетов и значение упомянутого факта использования дударуковского табуна для транспортировки мирных жителей, что, несомненно, облегчило выполнение задач по отходу. Можно не подчеркивать безосновательность подразумеваемого автором мнения о том, что в конном бою (если бы лошади не «встали») черкесы уступили бы своим преследователям. На этом фоне к рисуемому Зассом победоносному финалу, в котором «храбрость есаула Студеникина, Хоперского казачьего полка зауряд-хорунжаго Фисенкова и козаков довела их впоследствии сражения до такой степени, что они рубили своих лошадей и скрывались в разные места бегством, что однако-же редко кому удавалось» сложно отнестись более чем как откровенной передержке. Вернее, такой драматичный исход конкретного боя был более чем вероятен. Но даже в рамках предложенной самим Зассом повествовательной конструкции, непротиворечиво выводится только одно заключение: такую тяжелую участь могла постигнуть лишь отряд прикрытия, в задачи которого, в первую очередь и входила задержка преследователей.

Систематическое оперирование не верифицируемыми данными закономерно бросает тень подозрения и на фигурирующие здесь цифры нанесенного черкесам урона 17 мая 1834 г. Примечательно, что определяя потерю черкесов в ходе первого боестолкновения как *значительную*, Засс воздерживается от квантификации своей оценки, хотя поле боя после отхода противника естественным образом осталось за россиянами, и посчитать оставленных противником погибших не составило бы труда (Если же противник, понеся как выше отмечено, *значительную* потерю и при этом не оставил ни одного трупа вывод может быть только один – *бегство черкесов* ни что иное как плод вымысла Засса). Конкретизируя же итоги второго боя, он пишет о двенадцати телах, оставленных на месте сражения. Разумно предположить, что они и составили совокупный урон, понесенный черкесским отрядом за все время отхода от Дударукая. В любом случае приведенные Зассом данные о казачьих потерях (23 человека убитыми и ранеными) [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744], косвенно говорят о порядке аналогичных цифр у противника.

Здесь следует оговориться, что черкесы действительно могли потерять больше людей, нежели двенадцать и россиянам могли достаться не все тела погибших (тем более, что и некоторые из тяжелораненых могли умереть позднее). Но, с другой стороны, и Засс, в радикальном сценарии, мог не только преувеличить урон, нанесенный противнику, но и, как это не прозвучит странно, просто выдумать его. Тем более, что неестественное, если не сказать произвольное отношение к содержанию своих докладов со стороны российских офицеров (в случаях отсутствия строгого контроля со стороны вышестоящих командиров) не было чем-то из ряда вон выходящим [Дондуков-Корсаков 2000: 231], а автор донесения даже на фоне тогдашних вольных обыкновений отличался изрядной экстравагантностью. К тому же, в данном случае, для Засса было очевидно, что Вельяминов, вероятнее всего отсутствовавший в это время на Кубани, вряд ли будет озабочен проверкой достоверности сообщаемых им сведений о черкесских потерях.

Несомненно, это обстоятельство, наряду с другими факторами провоцировало небрежность зассовского письма. К ее проявлениям, безусловно, относится и приводимое в тексте заключение об итогах боя, согласно которому «из партии сей могла не более как четвертая часть укрыться бегством». Допустив правдоподобность такой оценки, следует исходить из того, что из 150-ти черкесов выжило не более 40 человек. И если при этом представить, что каждый из них забрал с собой аккурат по одному телу погибших товарищей (что на самом деле невообразимо в условиях «бегства» и при массовом забое лошадей) остается еще примерно 70 неучтенных черкесских трупов. Очевидно, что разрыв между этим числом и признанным уроном в двенадцать человек слишком разителен чтобы игнорировать вырисовывающийся абрис исхода боя. А он таков, что рейдовая акция отряда, одним из предводителей которого был Бесланокко Аслангирей предстает как удачное военное предприятие. Кстати говоря, согласно артикулированным критериям непосредственного начальника Засса – генерала Вельяминова, данную акцию черкесской конницы нельзя было не признать успешной.

В виду подобного положения и финальный пассаж Засса о том, что «неприятель, потерпевши такой значительный урон, едва-ли вскоре может решиться на подобныя покушения» [АКАК. Т. VIII. 1881. С. 744] звучало не более как самовнушение. Однако, как ни странно, предстающий на фоне вышеизложенных соображений безосновательным риторическим оптимизмом предположение Засса оказалось в некоторой степени справедливым. Так, согласно источникам, Хатокшоко Магомет с того же 1834 г. (месяц не известен) стал числиться среди «покорных» [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 38. Л. 25], а с осени того же года «замирились» и ногайские князья Карамурзины. Примечательно, что на такой шаг ногайских князей подтолкнула гибель одного из братьев, перед смертью завещавший своим близким прекратить вражду с русскими во имя сохранения рода [Торнау 1999: 187]. Но не таков был Бесланокко Аслангирей. В аналогичной ситуации он сделал диаметрально противоположный выбор. После того как в октябре 1834 г., недалеко от Прочного Окопа – на правобережье Кубани, геройски погиб старший брат Пшемахо [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 16. Л. 19] Аслангирей, по всей видимости, еще больше утвердился в решимости продолжать борьбу. Вместо предсказанного спада активности он продемонстрировал обратное. Спустя несколько месяцев представители линейного командования отмечали, что «во всех партиях, которые были у карачаевцев, на хищничестве был предводителем кабардинский князь [Бесланокко Аслангирей]» [Хотко 2015: 49].

Несмотря на лапидарность, это сообщение весьма информативно; за неполный год, герой настоящего повествования 1) обрел статус монопольного антагониста российского командования на 2) одном из самых для него важных отрезков Линии. И не случайно, что к лету 1835 г. он уже пользовался репутацией «одного из самых злых бичей Кавказской линии» [Торнау 1999: 198].

Рассмотрение жизненной траектории Бесланокко Аслангирея в соотносительной перспективе с канвой военно-политической динамики на «Кубанской линии» в ограниченный период 1833–1834 гг. позволяет, таким образом, прояснить ряд эпизодов биографии хаджретского лидера.

Список источников

АКАК 1881 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией Т. VIII. Тифлис, 1881. (1009 с.).

Алоев 2023 – *Алоев Т.Х.* «И под сенью Отцовской надежной руки...»: заметки к ранней биографии Бесланокко Аслангирея // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2023. № 4 (59).

Дондуков-Корсаков 2000 – *Дондуков-Корсаков А.М.* Мои воспоминания. 1845–1846 // *Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века.* СПб., 2000. С. 231. (683 с.).

- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
Торнау 1999 – *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. (507 с.).
Филипсон – *Филипсон Г.И.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. Нальчик, 2022. (490 с.).
Хотко 2015 – *Хотко С.Х.* Из истории участия кабардинцев в общечеркесском сопротивлении в 30-е гг. XIX в. // Архивы и общество. № 35. Нальчик, 2015. (С. 8–55.).

References

- АКАК – *Akty Kavkazskoj arheografi cheskoj komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. (In Russian)
ALOEVA T.X. [«I pod sen`yu Otczovskoj nadezhnoj ruki...»: zametki k rannej biografii Beslanoko Aslangireya]. Vestnik KBIGI. Nal`chik, 2023. № 4 (59). (In Russian)
DONDUKOV-KORSAKOV A.M. [Moi vospominaniya. 1845–1846]. Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny` XIX veka. SPb., 2000. S. 231. (683 s.). (In Russian)
RGVIA – Rossijskij gosudarstvenny`j voenno-istoricheskij arxiv. (In Russian)
TORNAU F.F. [Sekretnaya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona] F.F. Nal`chik, 1999. (507 s.). (In Russian)
FILIPSON G.I. [Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona]. Nal`chik, 2022 (490 s.). (In Russian)
HOTKO S.X. [Iz istorii uchastiya kabardincev v obshhecherkesskom soprotivlenii v 30-e gg. XIX v.]. Arxivy` i obshhestvo. № 35. Nal`chik, 2015. S. 49. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Alov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 30.06.2024.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 30.06.2024.